

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ
ЧЕЛОВЕКА, В АЛТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ
(в сопоставлении с тувинскими)¹**

Цель данной статьи – показать специфику метафорических образов, характеризующих человека, в поэтической структуре алтайских пословиц в сопоставлении с тувинскими. Тема нашего исследования актуальна, поскольку метафорическая система образов в тюркских языках Сибири не изучена. Анализ состава метафор, употребляющихся в пословицах, мог бы способствовать выявлению образного языка фольклора близкородственных народов – алтайцев и тувинцев.

Пословица – это «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова 2002: 67]. В пословицах, как и во фразеологизмах, реализуется образность языка.

В лингвистике понятие *образности* как языковой категории сформировалось давно и о нем написано немало работ. Обзор основных концепций по этой теме сделан в статье Н. А. Лукьяновой [2004]. Автор этой работы считает, что понятие образности должно формулироваться с опорой на понимание языкового образа. «*Языковой образ* (курсив мой – Н. Б.) – это закрепленное за определенной звуковой (и графической) оболочкой целостное представление (в различной степени конкретное, наглядное, картинное, красочное, яркое, “живое”), которое возникает в сознании носителей данной культуры и данного языка как результат отражения некоторого знания о предмете, явлении через его отношение к представлению о другом предмете, явлении, уже существующему в коллективном или индивидуальном речевом опыте говорящих» [Лукьянова 2004: 18]. *Образность* понимается “как семантическое свойство лексической единицы – ее возможность посредством образа передать некоторое знание о предмете, явлении, а также чувство, интенции субъекта” [Лукьянова 2004: 18].

Образное значение лексемы появляется в результате метафоризации. “Метафоризация” понимается как семантическая

модель формирования у лексемы метафорического значения, приводящего к возникновению метафорического ЛСВ (метафоры), на основе актуализации потенциальных сем производящего номинатива (языковая сторона модели) и выбора определенных параметров модели (внеязыковая сторона). *Метафора* (курсив мой – Н. Б.), таким образом, представляет собой результат реализации данной модели [Алешина 1997: 267].

При метафоризации как вторичной номинации происходит “удвоение денотата, хотя и не полное: от исходного понятия отщепляется какой-либо признак (или несколько признаков), служащих для характеристики нового объекта. В процессе метафоризации в лексеме может актуализоваться любое коннотативное содержание (сема). Так, к примеру, в русском языке слово *осел* как имя животного коннотирует такие признаки, как упрямство и глупость, которые не входят в значение этого слова, но отмечают сходство человека с ослом по этим свойствам” [Скляревская 1993:15-18].

В алтайских пословицах для характеристики человека используются различные образы из окружающего мира: животные, (зоонимы), деревья, растения, мхи (ботаникосемизмы), металлы, а также предметы быта (праматонимы). В основе этих метафор лежат следующие разновидности переносов: “животное → человек”, “растение → человек”, “металл → человек” и “предмет → человек”.

Материалом для исследования послужила картотека алтайских пословиц (1100 единиц), составленная на основе опубликованных и неопубликованных материалов, указанных нами в списке источников. Для сопоставления приводятся пословицы из сборника “Тувинские пословицы и поговорки” [1966].

Метафорический перенос “человек → животное”

Зооморфизмы, или образные варианты названий животных, в любом языке служат емким и лаконичным средством характеристики человека. “Это легко объясняется внематерийскими причинами. Из живых существ только животные подобно человеку обладают собственными повадками, каждому из них присущ собственный образ жизни и тип поведения. Поэтому не удивительно, что слова, называющие животных, охотно используются людьми для образного представления духовного облика человека и особенностей его поведения. Гораздо интереснее для лингвиста то, что названия одних и тех же животных в разных языках подразумевают нередко совершенно

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-04-00395а).

различные качества, характеризуют людей по разным, иногда даже прямо противоположным признакам” [Гутман, Черемисина 1972: 42].

Анализ зооморфного образа “петух” в русском языке, проведенный исследователями, показал, что его содержание представляет собой сложную систему компонентов, взаимосвязанных, но в то же время относительно самостоятельных, способных актуализироваться в зависимости от условий употребления характеристики. Актуализация определенных компонентов содержания образа непосредственно связана с особенностями внешнего окружения характеристики и обусловлена наличием в близком контексте лексических единиц, прямо называющих или “демонстрирующих” нам те акты поведения (реального или вербального) или те “внутренние движения”, которые могут соотноситься с данной характеристикой [Черемисина, Соппа 1973: 65-66].

Исследовали, сопоставив образные употребления зоонимов в русском и французском языках, пришли к выводу, что наблюдения над поведением, привычками и внешним обликом животных по своему преломляются в сознании носителей каждого языка. В разных языках складываются свои, специфические системы зоосемических образов.

Таким образом, при выяснении значения образного слова в пословице следует учитывать контекст, в котором реализуется образное слово. Этот фактор позволит выявить семантические различия в употреблении образных слов в алтайских и тувинских пословицах. В этой работе мы не ставим своей задачей описание образной системы тувинских паремий, поэтому они будут приводиться лишь в качестве сопоставительного материала.

В алтайских пословицах встречаются следующие названия домашних животных: *ат* ‘конь’, *бука* ‘бык’, *уй* ‘корова’, *эчки* ‘коза’, *теке* ‘козел’, *кой* ‘овца’, *куча* ‘баран’, *бозу* ‘теленки’, *улак* ‘козленок’, *кураан* ‘ягненок’, *ийт* ‘собака’, *тöд* ‘верблюд’.

Названия некоторых домашних животных, различаясь по половому признаку, характеризуют либо только женщину, либо мужчину. При метафорическом переносе по отношению к мужчине употребляются следующие наименования: *конь*, *бык*, *козел*, *баран* и т.п., а по отношению к женщине – *корова*. Например: *Айгыры жок мал чачылчан* (3) – Без жеребца табун быстро разбредается. В этой пословице зооморфизм *айгыр* ‘жеребец’ обозначает руководителя общества, *мал* ‘скот’ – сообщество людей. Этот же образ присутствует в другой пословице:

Öзör мал бн жалажар, / Тугенер мал тук жүжер (8) – Растущий скот по масти облизывается, / Бесплодный скот шерсть друг у друга ест’. Основной этой пословицы послужила алтайская народная примета о том, что если овцы поедают друг у друга шерсть, то это значит, что стадо не будет размножаться. Облизывание скота предполагает размножение людей, а поедание друг у друга шерсти – раздоры, немирное сосуществование. Метафорический образ (*скот*) представлен в характерной для него реальной ситуации. Он семантически согласуется с предикатами *облизываться*, *есть (шерсть)*, которые также подвергнуты метафоризации.

Конь – один из самых распространенных образов в тюркских пословицах, поскольку он занимает видное место не только в материальной культуре, но и в духовной жизни тюркских народов Сибири. Пословицы с образом коня мы рассматривали к вопросу о генезисе тюркских пословиц [Байжанова 2004]. В этой же работе мы коснемся только тех из них, которые метафоричны, содержат зооморфизмы.

В пословицах зооморфизм *ат* ‘конь’ характеризует трудолюбивого человека: *Јакиы ат јарышта, / Јаман ат јадында* – Хороший конь состязается, / Плохой конь лежит. Источником суждения первой части этой пословицы явились скачки – традиционный вид спорта. *Јаман атты јал бүркейт, / Јаман ийтти тук бүркейт* – Худой конь гривой обрастает, / Плохая собака шерстью обрастает. Источником этой пословицы послужила ситуация, когда ленивый хозяин не ухаживает за своим конем или собакой, они обрастают шерстью.

Зооморфизм *ат* ‘конь’ обозначает мужчину, а *уй* ‘корова’ – женщину: *Өлгөн уй сүттү, / Өлгөн ат жүзүрүк* (5) – Умершая корова – молочная, / Умерший конь – скакун. Смысл этой пословицы мотивируется тем, что эти животных ценились в хозяйстве очень высоко. Корова в хозяйстве являлась “кормилицей” семьи и “служила” непосредственно женщине, а конь мужчине – добытчику и воину, был для него средством передвижения. Поэтому корова символизировала женщину, а конь – мужчину. Смысл пословицы заключается в следующем: ‘Умершая корова молочная – умершая женщина всегда хорошая, / Умерший конь – скакун – умерший мужчина хороший’.

Зооморфизм *бука* ‘бык’ в зависимости от контекста может иметь следующие значения:

а) 'физически сильный': *Буканын тумчугын јудругынла уйттебе* (6) – В нос быка кулаком не тычь (предупреждение не связываться с человеком крепкого телосложения).

б) 'злой': *Ачынган бука агаи мондоор* – Разгневанный бык дерево забодает (о рассерженном мужчине крепкого телосложения, который в гневе может совершать безрассудные поступки); *Коомой бука балкашты бойынын бажына чачар* – Злой бык грязью свою голову закидает (сила без ума сама себе вредит).

Зооморфизм *теке* 'козел' характеризует резвого и глупого мужчину: *Көкүген теке таш сүзер* (5) – Резвый козел камень забодает.

Действия *забодать*, *закидать*, представленные в пословицах о быке и козле, обозначают совершение человеком безрассудных действий при эмоциональном срыве. В этих примерах ситуации аллегоричны.

Зооморфизмы *эчки* 'коза', *кой* 'овца' употребляется по отношению к человеку вообще. Так, *эчки* 'коза' характеризуют непослушного, самовольного человека, *кой* 'овца' – покорного, кроткого, бестолкового: *Койы јокто, кодыр эчки баштайт* (5) – Когда нет барана, [стадо] ведет паршивая коза; *Койлор корой берзе, / Кодырлу эчкиге баштадар* (5) – Когда овец становится меньше, / Их ведет паршивая коза; *Јагыс кодорлу кой мунг койды артатты* (1) – Одна паршивая овца целое стадо портит'.

В тувинской пословице образ козы имеет значение 'злой': *Өшкү чудаанын үзер* (5) – Коза слабого забодает.

Для характеристики молодого, неопытного человека используются номинации, обозначающие детенышей животных: *бозу* 'теленки', *уулак* 'козленок', *кураан* 'ягненок' и т.д.

Бойынын јерин бозу да билер (3) – Свое место даже теленок знает. Тувинская пословица: *Думчукка тулганда, бызаа сугжу* (5) – Когда вода до носа дойдет, и теленок пошлывет.

Уулак телегенни көлөткөзине тонгон (8) – Козленок от тени ястреба испугался (букв. замерз). Здесь образы козленка и ястреба использованы для контраста. Ястреб символизирует сильного человека, а козленка – маленького и слабого.

В тувинских пословицах эти образы часто представлены в параллелизмах в качестве сопоставления с образом ребенка: *Чаш малдың оюны чараш, / Чаш уругнуң чаңы чараш* (5) – У козленка игры резвы, / У ребенка лепет приятен; *Чавааны шаварга аскаар. / Чашты аттынарга ыглаар* (5) – На жеребенке поскачешь – захромает, / Ребенка обидишь – заплачет.

Зооним *төб* 'верблюд' использован для выражения мысли о том, что по внешности человека нельзя судить о его качествах: *Кертеш ле неме төб эмес* (2) – Не всякий горбатый – верблюд. Горбатость верблюда символизирует какой-нибудь изъян человека.

У тувинцев в этой пословице сохранилась первоначальная композиционная форма параллелизма: *Хертеш-ле чуве тебе эвес, / Кемшиг-ле чуве мен эвес* (5) – Не всякий горбатый – верблюд, / Не всякий виноватый – я. В алтайской пословице произошло выпадение второй части.

В следующей пословице образ лежачего верблюда символизирует неработающего человека, который тоже, как и все остальные, хочет есть: *Чыткан тебе аксынга / Камгыыл кирген* (5) – Даже в рот лежачего верблюда что-то в рот перепадает. У тувинцев верблюд символизирует рабочую силу.

Образы *буура* 'верблюд' и *боотон* 'верблюжонок' (диалектизмы) используются для контрастной характеристики старого и молодого человека: *Буура карыыр, / Ботоон өзөр* (5) – Верблюд состарится, / Верблюжонок вырастет. Эта пословица также присутствует в тувинском языке: *Буура кырыыр, / Бодаган өзер* (5) – Верблюд состарится, / Верблюжонок вырастет.

Образы *төб* 'верблюд' и *чычкан* 'мышь' для контрастной характеристики большого и малого человека: *Төб чычканакка маргаанын алдырып ийди* (8) – Верблюд проиграл мышке в состязании.

Зооним *ийт* 'собака' в пословицах реализуются разных контекстах. Рассмотрим их.

а) Отрицательное значение 'злой' присутствует в пословицах: *Унчукнас ийтке туттурар* (8) – Молчаливого собака укусит; *Ийтке теши салган кижги, / Бойынын колын тиштедер* (8) – Человек, положивший собаке еду, / Сам даст укунуть свои руки. Здесь глаголы в форме каузативного залога употреблены в переносном значении 'позволить себя оскорбить, обидеть'.

б) Значение 'глупый': *Бир ийт көрүп үрзе, / Экинчизи бодоп үрер* – Если одна собака лает, / Вторая вслед за ней лает.

в) Значение 'ленивый': *Јалку ийт куйругын айбылайт* – Ленивая собака просит свой хвост. Здесь определение *јалку* 'ленивый' выступает в качестве дополнительного компонента, уточняющего смысл пословицы, а метафора *хвост* обозначает человека-слугу.

Эта пословица без определения 'ленивый' сохранилась у тувинцев: *Ыт кудуруун айбылаар* (5) – Пес свой хвост просит.

г) Значение 'хороший, благородный': *Јакшы ийт блүмин көргүспес* (3) – Хорошая собака свою смерть не покажет.

В алтайских пословицах из всех домашних животных не употребляется только *свинья (чочко)*. В других жанрах алтайского фольклора, например, в сказках, эпосе, встречается зооним *какай* 'дикий кабан'. Это, конечно же, свидетельствует о том, что древние кочевые предки алтайцев в хозяйстве не разводили свиней. В их паремиологическом фонде присутствуют только те наименования животных, которых можно было держать в отгонном хозяйстве.

2. Для образной характеристики человека, его поведения в алтайских пословицах широко используются образы диких животных: *бөрү* 'волк', *түлкү* 'лиса', *айу* 'медведь', *борсук* 'барсук', *шүлүзүн* 'рысь' и т.д.

Зооним *ан* 'зверь' использован в пословице для обозначения "дикого", невоспитанного человека: *Казыр ан сырмактарын көргүспеске чыданбайтан* (6) – Дикий зверь не удержится, чтоб не показать свои когти.

В алтайских паремиях одним из наиболее распространенных зооморфизмов является *бөрү* 'волк'. Он имеет следующие значения:

а) 'злой, жестокий'; б) 'хищник'.

а) *Бөрүден эчки бүтпес* (8) – От волка коза не родится. Смысл этой паремии 'от злого человека добрый, кроткий не родится'. Так говорится тогда, когда замечают, что ребенок вырастает таким же злым, как и его родители. Этот же смысл присутствует в другой пословице: *Бөрүниң балазы да бөрү болор* – Дитя волка волком и станет.

б) *Амтажыган бөрү алтыны жиир* (8) – Повадившийся волк шестерых съест; *Бөлингенди бөрү жиир*, / *Айрылганды айу жиир* (8) – Разделившихся волк съест, / Разошедшихся медведь съест. – В последней пословице под образами волка и медведя показан враг.

Метафорический образ волка, употребленный в этой паремии, возможно, возник из первой части пословицы-параллелизма: *Үүрдөн жарылган мал бөрүге жем*, / *Јонноң айрылган кижги бштүге жем* (8) – Отбившаяся от стада скотина для волка добыча, / Отбившийся от народа человек для врага добыча.

Как известно, что в древнетюркских памятниках и алтайском героическом эпосе с волками сравниваются враги. Волк является одним из традиционных поэтических образов в поэтическом творчестве тюрков.

В пословицах встречаются и наименования других диких животных. Так, глупого человека символизирует барсук, трусость – заяц.

Борсук калјанын бодонбос (1) – Барсук своей лысины не замечает. Здесь лысина – недостатки человека. Эта пословица присутствует в форме параллелизма у тувинцев: *Боду бодун билинмес*, / *Борзук калчанын билбес* (5) – Плохой своих недостатков не знает, / Барсук о своей лысине не знает.

Кобыларды кечерде, / *Койонок коркорын билбес* – Заячонок страха не знал, / Когда через лога переходил. Переход трусливого зайца через горные лога означает совершение трусливым человеком важного действия.

Образ лисы характеризует хитрого человека: *Түлкү түн конор, јолды табар* (8) – Лиса и ночь переночует, а дорогу найдет; *Сүмелү түлкүчек кемди мекелебеген* – Хитрая лиса кого только не обхитрила. Тувинская пословица: *Дилги кудуруу-биле ыт мегелээр* (5) – Лисица хвостом собаку обманывает'.

Зооморфизм *јылан* 'змея' характеризует коварного, злого человека: *Јылу јерди јылан сүүр* (3) – Теплое место змея любит; *Јыланнын короны оозында*, / *Јаманның короны ичинде* (6) – Яд змеи в ее пасти, / Яд плохого (человека) внутри. – В переносном значении слово 'яд' обозначает человеческую 'злобу, язвительность'. *Кирзе – май, чыкса – јылан* (6) – Зайдет – масло, выйдет – змея. В следующей пословице выражение 'менять шкуру' означает 'быть непостоянным, коварным': *Јылан терезин јылдын солыыр* (3) – Змея свою шкуру меняет каждый год.

Как сравнение образ змеи присутствует и в тувинской пословице: *Кижги экизи – хун*, / *Кижги багы – чылан* (5) – Добрый человек – солнце, / Злой человек – змея.

3. Для образной характеристики человека в алтайских пословицах используются следующие названия птиц: *кускун* 'ворона', *мүркүт* 'беркут', *томуртка* 'дятел' и т.д.

Зооморфизм *куш* 'птица' характеризует важного человека, который живет мечтами: *Бала куш учат-учат*, / *Конорго агажын таппайт* (4) – Молодая птица летает-летает, / Да где ночевать, не знает. Метафорический смысл выражение о полете молодой птицы можно понять в значении 'в молодости люди летают в мечтах'.

Зооморфизм *кускун* 'ворона' обозначает злого, неблагодарного человека: *Кускун азыраган – көзин ойор* – Вырастишь ворону – глаза

твои выклюет; *Кускун кускуннын кѳзин ойбос* – Ворона вороне глаза не клюет’.

Этот образ представлен и в тувинской пословице: *Кускун кара-даа болза, төлүнгө ынак* (5) – Хоть и черны воронята, но матерью любимы.

В тувинской пословице с прямым значением образы сороки и ворона даны как метафорические сравнения: *Хопчу кадын – сааскан, / Хоптак хаан – каарган* (5) – Болтливая ханша – сорока, / Жадный хан – ворон.

Томуртка ‘дятел’ характеризует глупого человека: *Тон агашты чокыган / Томырткада сагыш жок* (8) – У дятла, стучавшего по мерзлomu дереву, ума нет (сравните с русским выражением ‘долбит как дятел’, т.е. много раз повторять одно и то же [ТСРЯ 185]). В этих изречениях действие “клевать” птицы-дятла в метафорическом контексте, относится к человеку и обозначает ‘бранить, нападать на кого-нибудь’.

Мүркүт ‘беркут’ – человека с высоким статусом в обществе: *Мүркүт шүлүзүнгө нѳкѳр эмес* (6) – Беркут рыси не друг. Здесь зооморфизм *мүркүт* ‘беркут’ обозначает человека с высоким положением в обществе, а *шүлүзүн* ‘рысь’ – человека без высокого положения в обществе.

К этой же группе мы относим зооним *жумуртка* ‘яйцо’, поскольку оно относится к зоологическому миру. В функции метафоры он олицетворяет внешнюю оболочку человека: *Лымыртканы тыштынан жектебес* (6) – Яйцо по виду не надо браковать. Смысл этого изречения можно выразить следующим образом: ‘по внешнему виду нельзя судить о внутренних качествах человека’.

Часто в пословицах два зоонима используются для контрастной характеристики, противопоставления и соответствия образов. Так, метафорический образ *айу* ‘медведь’ символизирует большого, сильного человека, а образы *когыс* ‘жук’, *jeeken* ‘росомаха’ – слабого: *Коркыбас айуга бычак уулар, / Коркынчак когыска мылтык алар* (4) – Смелый на медведя нож направит, / Трусливый на жука ружье возьмет; *Јети баядан jeeken де коркыбас, / Эки карындаштан айу да качар* (3) – Семи свояков и росомаха не испугается, / От двух братьев и медведь убежит.

Кошка – сильного, мышка – слабого: *Кискеге – ойын, / Чычканга – длүм* (4) – Кошке – игра, / Мыши – смерть; *Чычканга бычак суурба* (3) – На мышку нож не вынимай.

Зооморфизм *бака* ‘лягушка’ обозначает малого (незначительного) человека: *Бака да болзо байрамду* – Даже у лягушки бывает праздник; *Баканын тери кѳлгѳ туза* (8) – Пот лягушки для озера полезен.

Образы двух животных в структуре паремий используются для выражения отношений противопоставления или соответствия, при этом у метафорических образов выделяются признаки одного порядка: большой – малый, сильный – слабый.

Итак, зооморфизмы в алтайских пословицах представляют самую обширную группу субстантивных метафор. Они употребляются для инносказательной характеристики человека: его физических и интеллектуальных качеств, а также социального положения.

Метафорический перенос “человек→ растение”

В алтайских пословицах эта разновидность метафорического переноса представлена названиями деревьев, растений и т.д., которые используется для обозначения детей и родителей, например: *jiulek* ‘ягода’ и *арба* ‘ячмень’, *тобого* ‘шишка’, *кузук* ‘орехи’ (о детях, о результате труда), а образы *агаш* ‘дерево’, *тазыл* ‘корень’ – о родителях.

Кандый тазыл – ондый ок үрен – Каковы корни – таковы и плоды. Здесь *корни* – это родители, *плоды* – дети; *Куулу кѳлдѳ балык жок, / Кургак агашта jiulek жок* (1) – В мутном озере рыбы нет, / На засохшем дереве плодов нет. Здесь под засохшим деревом имеется в виду бесплодный человек.

В тувинском с образом дерева, обозначающим детей, нас встретилась пословица: *Өртеген сындан ыяш үнер* (5) – И в створевшем лесу деревья вырастут.

Маажак жок арба канкайып калар – Ячмень без колосьев торчит. – Смысл этой пословицы: человек без детей одинок. *Тобого мѳштѳн ыраак тогolonбос* (1) – Шишки от кедра недалеко падают; *Јаткан ташка торбос ѳзѳр, / ѳскѳн мѳштѳн кузук бѳдер* (2) – На лежащем камне мох вырастет, / На растущем кедре орехи вырастут. В последней пословице заключена мысль, которую можно условно обозначить следующим образом: “пассивный, ленивый человек обрастает грязью, а активный получает плоды своих трудов”.

Метафорический перенос “человек→ металл”

Метафорические названия металлов в пословицах обозначают характер человека, так, *темир* ‘железо’ – волевого человека: *Темирди суулазан, сынарын билбес, / Тенекти тектирзен, ѳлѳрин билбес* – Железо смочишь – не знает, что может сломаться, / Глушца раззадоришь – не знает, что может умереть.

Метафора *мõнүн* 'серебро' характеризует хорошего человека, который при любых обстоятельствах сохраняет свои хорошие качества: *Мууске кар јукнас, / Мõнүнге тат јукнас* (2) – К рогам снег не липнет, / К серебру ржавчина не липнет; *Монүн татка јудирбес* (3) – Серебро ржавчина не разъест.

Эта метафора представлена в тувинской пословице: *Монгүнде дат чок* (5) – У серебра ржавчины нет.

Метафорический перенос "человек→предмет"

Алтайским пословицам характеристика человека предметными образами менее характерна. Большинство предметных образов в алтайских пословицах употребляются в прямых значениях. С предметным образом нам встретилась пословица *Јагыс турун јада күйбес* (1) – Одна лежащая головешка сама лежа не загорится. Здесь метафорический образ *турун* 'головешка' обозначает неподвижного, ленивого человека.

Итак, сопоставительный анализ алтайских и тувинских пословиц показал сходство их поэтических образов, но различие степени метафоризованности. Большинство тувинских пословиц с выявленными образами, в отличие от алтайских, представлены в пословицах в форме параллелизмов, где эти образы выступают в качестве сопоставлений или сравнений. Алтайские же пословицы оказались больше подвергнуты процессу метафоризации. Источниками их метафор послужили образы, сложившиеся в составе пословиц-параллелизмов.

Каждое образное слово в пословице может актуализировать те или иные семы в зависимости от выражаемого смысла, в результате чего они используются для образной характеристики человека. Выделяются следующие разновидности метафорических переносов: "животное→человек", "растение→человек", "металл→человек" и "предмет→человек".

Список использованной литературы

Алешина О. Н. О терминах, используемых при изучении метафоризации // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 266-268.

Банин В. А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации (На материале современного английского языка. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995.

Гудавичюс А. Й. Семантический процесс антропоцентрической метафоризации // Семантические процессы в системе языка. Межвуз. сб. науч. трудов. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – С. 24-27.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. – Вып. 3. – Новосибирск, 1972.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Содержание образа «лошадь» (cheval) в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 6. Новосибирск, 1972. С. 56-71.

Гутман Е. А., Черемисина М. И. Зооморфизмы в русско-французском словаре К. А. Ганшиной // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 8. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 45-56.

Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Часть 1, 2. – Новосибирск, 2003.

Лукьянова Н. А. Слова с простыми и сложными образами // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Том. 3. – Вып. 1. Филология. – Новосибирск, 2004. – С. 15-25.

Лукьянова Н. А. Когнитивные источники образных слов // Сибирский филологический журнал. 2003, № 3, 4.

Савенкова Л. Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: изд-во Ростов. Ун-та, 2002.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993.

Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.

Толковый словарь русского языка [ТСРЯ] / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1997.

Хахалова С. А. Категория метафоричности (формы, средства выражения, функции). – Автореф. дис. ... д. ф. н. – М., 1997.

Черемисина М. И., Соппа Н. С. К вопросу о семантике зоохарактеристик (На материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 2. Новосибирск, 1973. – С. 55-69.

Список условных обозначений и текстовых источников

- 1 Алтайские пословицы и поговорки. — Горно-Алтайск, 1956.
- 2 Алтайский фольклор. — Горно-Алтайск, 1988.
- 3 Благопожелания Алтая / Сост. Б. Я. Бедюров. — Горно-Алтайск, 1985.
- 4 Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — М., 1893.
- 5 Тувинские пословицы и поговорки / Сост. М. Хадаханэ, О. Саган-Оол. — Кызыл, 1966.
- 6 Фольклорные материалы архива Ин-та алтаистики им. С. С. Суразакова.
- 7 Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. — СПб., 1866. — Ч.1. Поднаречия алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, шорцев и саянцев.
- 8 Фольклорные материалы, собранные Н. Р. Байжановой во время экспедиции в Онгудайском и Усть-Канском районах Республики Алтай в 2004 г.